

Рассмотрено	19.7	1935 г.
№	1455	
	17/1-35г.	

МОСКВА. АРБАТ.
Карманицкий пер., д.3, кв.5
Т.И. ГЛЕБОВОЙ

Таня, любимая, вчера ночью кончился процесс. Перевернулась и закрылась целая полоса жизни. Ты знаешь приговор. Он мягок, слишком мягок. Я об"ясняю его тем, что партия и суд поверили тому, что я уже раньше уходил и рвал с зиновьевцами, и тем, что мне удалось в своей речи на суде выразить тот действительный ужас и то глубочайшее отвращение, которые охватили меня, когда я должен был оглянуться на нашу "деятельность" за 10 лет, на то, что мы сделали с собой, и что мы сделали с людьми. Нельзя представить себе ничего более ужасного, чем то, что сидело на скамье подсудимых. Это было действительно гнойное недое исторических отбросов революции, картина полного идейного и морального разложения. Эти два дня на суде меня трясла лихорадка - не страха, ты согласишься! - а отвращения к себе, к ЗИНОВЬЕВУ, к своим и его бывшим друзьям, к итогам нашей деятельности. Ощущение такое, как будто тебя заставляют глотать содержимое помойного ведра, а это содержимое плоды твоей "исторической" работы. Без суда я, вероятно, никогда так живо и глубоко не ощутил бы этого. И за это я глубоко благодарен суду. Это была жестокая операция, но единственно спасительная. Какое счастье, что нас не отправили просто административным путем в ссылку, а заставили пройти через это испытание и чистилище. Тебе я могу сказать, и ты согласишься, что к концу у меня было такое состояние отвращения к себе, что я абсолютно спокойно принял бы приговор к расстрелу и спокойно пошел бы под пулю, которая прекратила бы это ощущение искаженной жизни своей и своих "политических" друзей. Я не готовил своей речи и не обдумывал ее. Не мог. Я просто говорил то, что чувствовал, выливая накопившуюся боль за себя, за БАКАЕВА, за ШАРОВА, за КУКЛИНА, за бывших прекрасных пролетариев, которых мы завели в

болото. Передо мной на стене висели портреты ЛЕНИНА и СТАЛИНА. Мне, понимаешь, было глубоко стыдно перед ними - и, говоря, мне только хотелось очиститься перед ними, - а там пусть будет, что будет. Мне был глубоко безразличен приговор, но я чувствовал, что с каждым словом правды, которую я говорю, я дышу глубже, воздух становится чище, я выздоравливаю - политически, конечно. Верь каждому слову, которое я сказал. Помнишь, в день похорон ЛЕНИНА, перед его портретом мы вдвоем дали друг другу слово служить его заветам. Я вспомнил это на суде. Ты спаслась от заразы, которая была так близко. Помогла тебе твоя честная натура, твоя чистая вера в партию, твое постоянное общение с рабочими, наконец, работа. Представь-же мое состояние, когда я вспомнил эту нашу клятву на суде перед портретом ЛЕНИНА, обвиняемый и справедливо в том, что последствием моего поведения за 10 лет был труп КИРОВА и принужденный наблюдать воочию то разложение, к которому пришли все те, с которыми я провел эти 10 лет. ЗИНОВЬЕВ был жалок, а остальные мучительно-безпомощны, никто не мог найти в себе ни одного слова, ни одного звука в свое оправдание, хотя бы не политического, хотя бы только морального. БАКАЕВ говорил, что он прожил эти 10 лет под гипнозом. Кто-то другой, что мы были или дураки или сумасшедшие, третий - и дураки и сумасшедшие. Вот итог.

Танюша, мы коммунистка, все время остававшаяся честной и верной слугой партии. Ты полюбила меня, когда я еще был таким-же и даже одним из руководителей партии. Я не имею сейчас права рассчитывать ни на твою любовь, ни на твое доверие. Ты выберешь сама, конечно, твой путь дальше. Но самый приговор свидетельствует, что партия даже в этот момент не потеряла окончательно надежд на мое политическое оздоровление. И я прошу тебя - не будь ко мне суровее, чем партия, если можешь. Не лишай меня окончательно своего доверия. Не бросай меня, как не бросила меня партия. Партия не запретит тебе сохранить некоторую веру в меня и некоторую надежду на мое выздоровление.

Сейчас вот это сознание, что партия отнеслась ко мне милостиво, не окончательно отняла от меня свою руку поддержки — единственно дает мне силы. Я хочу, могу и буду еще работать хотя бы в 4 станах. И для меня было бы великим счастьем знать, что и ты не окончательно отошла от меня, не отнимаешь окончательно своей руки от меня, что я могу тебе сказать не "прощай!", а — "до свиданья!".

Таня, сыну нашему, вероятно, до сих пор говорят, что его папа уехал в командировку или заболел или чтонибудь подобное. Надо сказать ему теперь правду. Хуже будет, если он узнает ее не от тебя, а в детском саду. В нашей стране и шестилетние ребята, как Волик, не могут не воспитываться в правде, как бы сурова она ни была. Ты — коммунистка и умница. Ты найдешь нужные слова. Скажи ему, что я долго и честно служил партии, что я потом наделал ошибок, нарушил дисциплину, проявил упорство и что партия наказала меня, но что я исправлюсь и мы с ним еще увидимся и будем вместе читать, что он должен хорошо учиться, строго соблюдать дисциплину, быть всегда правдивым, чтобы не делать таких ошибок, как я. Передай мой привет Игорю и скажи ему, что я прошу его продумать мой горький опыт и быть честным и достойным комсомольцем. Я пишу также Александру и Юрику. Пусть Александр даст тебе прочесть это письмо. Мне сказали, что теперь будут возможны свидания. Все время я был окружен самым внимательным отношением со стороны работников НВНД, которые умеют проявить поразительное сочетание самого строгого выполнения своего долга с глубоко-человечным отношением. Они много помогли мне достойно пережить эти дни. Ты знала и любила, как и я, Феликса Эдмундовича. Я убедился, что дух его жив и проникает всех работников созданного им учреждения. Ты поймешь все значение и всю высоту этого определения, ибо Феликс был одним из самых светлых и прекрасных воплощений человека и коммуниста.

Целую тебя, друг мой, и жду твоего решения. От всего сердца обнимаю сыновей. Поклонись бабушке.

Твой Лев К.

17/1-35.

Р.С. Я хочу написать также Алексею Максимовичу. О содержании письма ты узнаешь от него.

Я не делаю из этого письма личной тайны. Можешь показать его всякому, кто интересуется мной. Я даже хотел бы, чтобы его прочли все те, которые меня знали, среди которых я жил.

Л.К.

Верно:

